ский вестник». Единоличным издателем и редактором «Санктпетербургского вестника», выходившего с 1778 по 1781 г., долгое время считался малоизвестный переводчик, впоследствии дипломат Г. Л. Брайко, литературная продукция которого крайне невелика.[13] Сравнительно недавно, однако, выяснилось, что роль Брайко в журнале, видимо, была формальной, а решающая роль по существу дела принадлежала Я. Б. Княжнину. Какое-то влияние должны были оказывать на направление журнала Н. И. Новиков, М. М. Херасков и печатавшиеся в журнале участники так называемого «львовско-державинского» кружка.[14]

Вряд ли в этом кругу у Фонвизина были прямые единомышленники. Он включал людей разного уровня общественного сознания, ориентировавшихся на разные придворные и политические партии. Их творческие устремления, эстетические вкусы, литературная манера далеко не во всем совпадали со взглядами создателя русской реально-бытовой сатирической комедии. Тем не менее это оказалась дружественная Фонвизину литературная среда, дававшая ему моральную опору и в этом смысле необходимая любому писателю.

По немногим отрывочным сведениям можно заключить, что отношения Фонвизина с младшим поколением писателей были прежде всего литературными. Например, в бумагах баснописца И. И. Хемницера сохранился список с фонвизинского «Послания к слугам». Внесенные сюда рукою Хемницера замечания по типу своему точно такие, какие делались на дружеских обсуждениях произведений членов кружка; аналогичные коллективные поправки и соображения встречаются в рукописях Державина, Капниста, Львова и самого Хемницера. С другой стороны, в 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» Фонвизин, повторяя прием А. П. Сумарокова, выступил с «Челобитной Российской Минерве от российских писателей». Уволенный от заведования Российским театром Сумароков в сатирическом прошении к Мельпомене впервые публично объявил читателям, «приемлющим Российского Парнасса участие», свои жалобы на притеснения, которым подвергаются русские писатели от вельмож и придворных.[15] Как у Сумарокова за Мельпоменой прозрачно просматривалась имп. Елизавета Петровна, так и у Фонвизина, вышедшего в отставку после смерти Панина, «челобитная» является упреком Екатерине II. Непосредственным поводом для ее сочинения и публикации послужило исключение

---

[13] Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952, с. 348.

[14] Западов В. А. Державин и Муравьев. — В кн.: XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1960, с. 246—249; Кулакова Л. И. Новиков в письмах Муравьева. — В кн.: XVIII век. Сб. 11. Л., 1976, с. 17; Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. — В кн.: XVIII век. Сб. 12. Л., 1979, с. 225—241, особенно с. 230—231, 235—236.

[15] Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. СПб., 1782, т. 6, с. 284—287.